

История одной жизни,
посвящённой реализации мечты

A handwritten signature in black ink, consisting of several stylized, connected cursive letters. The signature is centered below the title text.

СЕРГЕЙ ЗОРИН

МУЗЫКАЛЬНАЯ СВЕТОЖИВОПИСЬ

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ ЖИЗНИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ
МЕЧТЫ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2023

УДК 7.038.3
ББК 85.33
З 86

Зорин С. М.

З 86 Музыкальная светоживопись: История одной жизни, посвящённой реализации мечты. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 184 с.: ил.

ISBN 978-5-907498-54-9

Автор книги — основатель уникального Оптического театра, посвятивший всю жизнь поискам и экспериментам в области синтеза звука и света, создатель разнообразных инструментов светохудожника, позволяющих, подобно пианисту, исполнять произведения музыкальной светоживописи. В этой книге он раскрывает особенности своего творческого видения и повествует о пройденном им пути.

Также рассматриваются изыскания в области синтеза света и звука, которыми были увлечены выдающиеся изобретатели, художники и музыканты нашего времени. Рассказывается о новаторских теориях, экспериментах, идеях знаковых в этой сфере фигур, среди которых Лев Термен, Григорий Гидони, Александр Скрябин, Микалоюс Чюрленис, Юрий Правдюк. Автор делится личным опытом общения с некоторыми из них. В центре его внимания принятые ими поиски гармонии музыки и света, когда визуальные и музыкальные произведения составляют единое художественное целое, а роль музыкантов и светохудожников как творцов и исполнителей становится ключевой.

УДК 7.038.3
ББК 85.33

ISBN 978-5-907498-54-9

*В оформлении переплёта и шмуцтитулов
использованы фото фрагментов
динамической светоживописи, созданной
на световых инструментах С. М. Зорина.*

© Зорин С. М., наследн., 2023
© Издательский Дом ЯСК, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

7

Неизбежность появления синтеза
Света и Звука

23

Объёмный портрет нового искусства

33

ЛЕВ ТЕРМЕН

57

ВЛАДИМИР БАРАНОВ-РОССИНЕ

81

ГРИГОРИЙ ГИДОНИ

93

ТОМАС УИЛФРЕД

103

АЛЕКСАНДР СКРЯБИН

111

ЕВГЕНИЙ МУРЗИН

123

ЮРИЙ ПРАВДЮК

133

Что такое музыкальная светоживопись
и что представляет собой особый инструментарий
для получения светодинамических композиций

161

Список литературы

181

*Если душа человека жаждет чуда,
сделай ему это чудо, если ты в состоянии.
Новая душа будет у него и новая у тебя.*

Александр Грин

Родился я в разгар Второй мировой войны в селе под Полтавой, сожжённом фашистами при отступлении. Наш дом уцелел, его успел потушить мой старший брат, прибежавший впереди обоза с возвращающимися в село его жителями. Увидел свет я в этом подгоревшем доме в последний день зимы 1944 г. Отец ушёл на фронт буквально за пару месяцев до моего рождения, а вернулся в октябре 45-го из госпиталя, больной и измученный. Он вскоре умер. Описывать своё голодное и холодное детство нет смысла. Оно тогда было таким у многих. Ни единой покупной игрушки не было у меня в раннем детстве. Но я мастерил с упоением игрушки сам из любых подручных материалов. Удивительно то, что детство с шалостями и играми всё же у детворы было. Пока взрослые отстраивали село после страшного пожара, мы стайкой носились по своим делам. Я брал какую-нибудь статуэтку, оставшуюся от отца, закапывал её, помечал это место, и мы с упоением занимались поиском кладов. После долгих и безуспешных поисков я приводил нашу ватагу к намеченному месту, и мы... откапывали клад, к великой радости всех малышей...

Но любил я и одиночество. Случайно обнаружил игру чистых цветов на слезинках и научился играть с тем, что дарила природа. Выходил в солнечный день, садился на завалинке так, чтобы солнце было сбоку. Несколько раз поворачивал голову в сторону солнца на короткое мгновение, нахватывался «зайчиков» и часто-часто моргал ресницами. Появлялись слезинки. Я прикрывал глаза так, чтобы слезинки были как бы зажаты между ресницами. Солнце светило сбоку, и в этих слезинках солнечные лучи преломлялись. Когда я чуть-чуть подрагивал ресницами, лучики играли и возникали какие-то волшебные разноцветные картинки, которые медленно плыли куда-то и менялись... А ещё можно было закрыть глаза и кулачками надавить на глазные яблоки и подержать кулачки, не отрывая от глаз. Вскоре появлялись сказочно красивые динамические картинки, меняющие свой цвет. И цвета были насыщенными, перетекающими один в другой. Лиловые, фиолетовые, изумрудные. Может быть, тогда в этих детских играх с солнышком и зародилось созревшее позднее желание самому творить столь впечатляющие динамические разноцветные картины...

Детство ушло, и наступило время учёбы в школе. Учился прилежно, с удовольствием, много читал, записавшись в три библиотеки, когда семья переехала в город... С 1956 г. занимался в художественной студии. За четыре года мы научились многому, и я благодарен судьбе за этот опыт. Остался слайд, на котором я запечатлён возле своего рисунка углём и мелом, который я сделал прямо на обоях нашей квартиры (илл. 1).

Илл. 1. Рисунок углём и мелом
на обоях квартиры в Полтаве

Мать попросила меня оставить ей хоть что-то на память, раз уж я решил, что от живописи хочу перейти к светоживописи.

Начиная с 1957 г. в своём любимом журнале «Техника — молодёжи», который выписывал и прочитывал от корки до корки, я с упоением поглощал роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Потом прочитал все романы этого замечательного учёного и писателя, но этот первый роман остался самым любимым. Особенно потряс момент, в котором Ефремов талантливо описывает искусство далёкого будущего. Герои романа слушают и смотрят симфонию фа минор в цветовой тональности 4,7450 МЮ. Так как вполне возможно, что этот роман сегодня читали не все, то будет не лишним, если я приведу этот небольшой отрывок полностью:

— Я давно собираюсь просить вас исполнить для меня космическую тринадцатую симфонию фа минор. Вы много играли нам, но её ни разу.

— Мало людей на планете, которые могли бы исполнить эту вещь... Солнечный рояль с тройной клавиатурой беден, а переложения пока нет... и вряд ли будет. Но почему бы вам не вызвать её из Дома Высшей Музыки и проиграть запись? Наш приёмник универсален... Оператор взяла на себя роль распорядителя, усадив Дар Ветра и других любителей в фокусе полусферического экрана музыкального зала, напротив серебряной решётки звукоизлучателя. Она погасила свет, объ-

яснив, что иначе будет трудно следить за цветовой частью симфонии, могущей исполняться лишь в специально оборудованном зале.

Во мраке лишь слабо мерцал экран и чуть слышался снаружи постоянный шум моря. Где-то в невероятной дали возник низкий, такой густой, что казался осязаемой силой, звук. Он усиливался, сотрясая комнату и сердца слушателей, и вдруг упал, повышаясь в тоне, раздробился и рассыпался на миллионы хрустальных осколков. В тёмном воздухе замелькали крохотные оранжевые искорки. Это было как удар той первобытной молнии, разряд которой миллионы веков назад на Земле впервые связал простые углеродные соединения в более сложные молекулы, ставшие основой органической материи и жизни. Нахлынул вал тревожных и нестройных звуков, тысячеголосый хор боли, тоски и отчаяния, дополняя которые метались и гасли вспышки мутных оттенков пурпура и багрянца. В движениях коротких и резких вибрирующих нот наметился круговой порядок, и в высоте завертелась расплывчатая спираль серого огня. Внезапно крутящийся хор прорезали длинные ноты — гордые и звонкие. Они были полны стремительной силы. Нерезкие огненные контуры пространства пронизали чёткие линии синих огненных стрел, летевших в бездонный мрак за краем спирали и тонувших во тьме ужаса и безмолвия.

Темнота и молчание — так закончилась первая часть симфонии. Слушатели, слегка ошеломлён-

ные, не успели произнести ни слова, как музыка возобновилась. Широкие каскады могучих звуков в сопровождении разноцветных ослепительных переливов света падали вниз, понижаясь и ослабевая, и меркли в меланхолическом ритме сияющие огни. Вновь что-то узкое и порывистое забилось в падающих каскадах, и опять синие огни начали ритмическое танцующее восхождение.

Потрясённый Дар Ветер уловил в синих звуках стремление к усложняющимся ритмам и формам и подумал, что нельзя лучше было отразить первобытную борьбу жизни с энтропией. Ступени, плотники, фильтры, задерживающие каскады спадающей на низкие уровни энергии. «Так, так, так! Вот они, эти первые всплески сложнейшей организации материи!» Синие стрелы сомкнулись хороводом геометрических фигур, кристаллических форм и решёток, усложнявшихся соответственно сочетаниям минорных созвучий, рассыпавшихся и вновь соединявшихся, и внезапно растворились в сером сумраке.

Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходившие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловещую мелодию. Синие огни казались цветами, гнувшимися на тонких огненных стебельках. Печально никли они под наплывом низких, гремящих и трубящих нот, угасая вдаль. Но ряды огоньков или фонарей становились

всё чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность Вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушие двигавшейся материи. Тёмная дорога становилась рекой, гигантским потоком синего пламени, в котором всё усложнявшимся узором мелькали просверки разноцветных огней. Высшие сочетания округлых плавных линий, сферических поверхностей отзывались такой же красотой, как и напряжённые многоступенчатые аккорды, в смене которых стремительно нарастала сложность звонкой мелодии, разворачивавшейся всё сильнее и сильнее...

Океан высоких кристально чистых нот плескался сияющим, необычайно могучим, радостным синим цветом. Тон звуков всё повышался, и сама мелодия стала неистово крутящейся, восходящей спиралью, пока не оборвалась на взлёте, в ослепительной вспышке огня. Симфония кончилась, и Дар Ветер понял, чего недоставало ему все эти долгие месяцы. Необходима работа, более близкая к космосу, к неумоимо разворачивающейся спирали человеческого устремления в будущее. Прямо из музыкального зала он направился в переговорную комнату и вызвал центральную станцию распределения работы северной жилой зоны.

Прошло уже более шести с половиной десятилетий с момента первого прочтения этого эпизода, но трудно забыть, как меня — старшекласника —

поразило гениальное описание столь необычно-го искусства. Ясно было из текста романа, что будет на Земле такое искусство спустя тысячи лет. С нетерпением ждал каждый следующий номер журнала, чтобы снова погрузиться в светлый мир будущего, столь реалистично изображаемого Ефремовым — ученым и писателем.

Осень 1960 г. Учусь в десятом классе. Однажды на уроке физики после того, как учитель рассказал нам о гравитации и законе притяжения, я унёсся мысленно куда-то в просторы Вселенной. Вдруг захотелось записать то, что привиделось. Прямо на уроке взял в руки тетрадку и написал: «"АПАССИОНАТА" — повесть о юноше, родившемся в звёздном корабле, и о его первой чистой любви. Часть первая. Паалла». И начал писать эту повесть. Прошло уже пару лет, как я прочитал гениальное описание нового искусства Иваном Ефремовым. Немного подзабыл, как именно это было написано, но в душе жила эта чудная атмосфера высшего синтеза Музыки и Света. Весь урок исподтишка с упоением кропал текст и продолжил писать потом дома. Написал страниц 30, да так эту повесть и не закончил, и, естественно, не опубликовал. Поражаюсь, что за шесть десятилетий с переездами в другие города эта рукопись не исчезла. Но она затерялась среди бумаг, и только много лет спустя я обнаружил её случайно, ухмыльнулся и перечитал. Наверное, многие из нас во времена своей юности брались за перо, чтобы создавать повести и даже романы. И вполне возможно, с таким же финалом. Но меня в этой рукописи поразило то, как я тогда описал

искусство будущего, искусство синтеза. Конечно же, не без влияния Ефремова, но это было моё видение этого нового явления в искусстве будущего. И это было до знаменательной для меня встречи с книжечкой Леонтьева «Музыка и цвет» и до полёта Гагарина! Сегодня мне интересно только то, что писал десятиклассник о музыкальной светоживописи, называя её тогда цветомузыкой. Хорошо, что тетрадка не потерялась, но она сильно выцвела. Разобрал и перепечатал, не меняя ни единого слова. Желающие исследователи могут сами сравнить тексты, так как тетрадь эта хранится в моём архиве. Ниже привожу фрагмент из рукописи моего рассказа, написанного в 1960 г. В нём я описываю, как пара влюблённых молодых людей, Эолл и Паалла, решили в специальном зале на звездолёте послушать и посмотреть музыку древнего композитора:

Огромная чаша параболоида встретила нас эхом наших же голосов и каким-то призрачным сероватым светом. Казалось, на мгновение мы возвратились на Землю и встречаем сейчас чуть брезжащий рассвет.

Крышкой параболоида служила ребристая полусфера, сквозь люк в которой мы проникли внутрь. Звук, пройдя сквозь сложный лабиринт в полусфере, окутывал слушателя, проникая, как казалось, даже сквозь поры кожи. В рёбрах были встроены ниши-кресла. Паалла хотела достичь абсолютного эффекта восприятия цветомузыки. Она подплыла к креслу, расположенному в центре

сферы, и закрепились в нём. Я устроился в третьем ярусе сбоку и посмотрел на её устремлённые вдаль тёмные, немного грустные глаза. Застегнув лямки на груди, я нажал кнопку на программном щитке — первую, которая попала под руку...

Вместе с тревожными и зовущими звуками вспыхнул богатейшей гаммой цвета свод параболоида, заполнив всё пространство потоками окрашенного света, казавшегося ощутимым, как волны земного океана. Апассионата. Могучий талант Человека, неукротимая энергия, радость и отчаяние, торжество, власть над Природой и бессилие что-либо изменить, рассеять беспросветный мрак — всё смешалось в этой нечеловеческой музыке древнего композитора. Ощутимыми казались его переживания, его ярость и несгибаемая воля.

Больной, измученный, глухой, избегающий человеческого общества — этот титан смог написать музыку, которая пленяет людей, живущих почти тысячелетием позже... Море цвета бурно вздымалось и с грохотом, разбиваясь о невидимые рифы, пенясь, отступало назад. Казалось, грозный шторм разразился над океаном. Бушует ветер, срывая белые гребни волн, вздымая огромные массы воды и обрушивая их с ужасающей силой на неведомого врага. Фиолетовые лохматые тучи, играя тысячами оттенков, несутся над самой водой и исчезают в морской пучине...

Такого фантастического зрелища я уже давно не видел и теперь с замиранием сердца впитывал это необычайно богатое сочетание музыки и цве-